

И. А. МАНКЕВИЧ,доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Ленинградского государственного областного университета,
кандидат педагогических наук

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Новая эпистемологическая ситуация, сложившаяся в современном гуманитарном знании на рубеже веков, ориентирует ученых на развитие феноменологического направления в исследовании культуры. Историк, литературовед, культуролог, изучая источники социальной информации разной природы и функций как продуктов социокультурной деятельности людей и феноменов культуры, неминуемо выходят за пределы узкопрофессиональных исследовательских задач, обращаясь к «коллективному разуму» гуманитарных наук. Художественная литература как источник культурологической информации — сложная комплексная проблема, находящаяся в сфере компетенции различных междисциплинарных областей гуманитарного знания, включая источниковедение, филологию, культурологию, семиотику, книговедение и теорию социальной коммуникации. Сущность указанной проблемы состоит в определении источниковедческого статуса (специфики, функций, места в системе источников социальной информации) и информационного потенциала (ценность, структура, типология, свойства) художественной литературы как феномена культуры. Расширяя сферу приложения своих методов и одновременно сохраняя традиционную связь с исторической наукой, источниковедение формирует корпус отраслевых источниковедческих дисциплин, в том числе в сфере литературоведения и культурологии.

В данном контексте культурологическая информация рассматривается как специальная социальная информация о фактах (события, явления, люди) и концепциях (идеи, теории) в истории культуры, осмысленная с позиций системного культурологического знания. Соответственно художественная литература как объект культурологического анализа и ее источниковедческий потенциал (предмет) рассматриваются как феномены культуры. При таком подходе статус «культурологичности» в глазах исследователя (в сознании познающего субъекта) обретают самые разные явления культуры, явно или скрыто «живущие» в тексте литературно-художественного произведения (идеалы и символы эпохи, общественные настроения и мнения, ценностные ориентации и модели поведения, духовно-предметная среда и интеллектуальная мода, социальные нормы и эстетика повседневности, праздники и развлечения).

Анализ источниковедческого потенциала и функций художественного произведения находится в прямой зависимости от исходной установки исследователя на проблему соотношения искусства и действительности (в данном контексте: литературы и действительности) и от степени преодоления им мнимого противоречия между историко-культурным характером исследования и литературно-художественным материалом. Традиционное литературоведение, наследуя идеи реалистической эстетики позапрошлого столетия, отождествлявшей литературное произведение с реальностью, породило множество концепций относительно сущности и роли литературы в обществе, которые с известной долей упрощения можно свести к следующим вариантам: литература есть отражение общества, литература есть средство воздействия на общественное сознание, литература есть средство социального контроля. Структуралисты 60–70-х гг. XX в. видели в художественном тексте, в реальной жизни и человеческой личности продукт внутренней организации, структуру. В эти же годы Ю. М. Лотман предлагает единый подход к описанию литературного текста как художественного мира со своей собственной организацией и мира внелитературного, где повседневное поведение человека рассматривается как текст, как реализация культурных кодов, формирующихся под непосредственным воздействием литературы и искусства. С позиций постструктуралистских концепций методология исследования литературного текста заключается в выявлении в нем внутренней противоречивости, обнаружении скрытых и ускользающих от неискушенного читателя и самого автора, «спящих», «остаточных смыслов» (Ж. Деррида). Последние являют собой наследие речевых практик прошлого, закрепленных в языке в форме неосознаваемых мыслительных стереотипов, которые, в свою очередь, столь же бессознательно и независимо от автора текста трансформируются под воздействием языковых клише его эпохи.

Траектория движения литературоведческой мысли соответственным образом отражалась и на судьбе источниковедческой «оптики» в отношении художественной литературы. Так, дореволюционная академическая школа в духе традиций позитивистского литературоведения отождествляла историю литературных типов с историей реальных людей.

В советском источниковедении художественная литература оценивалась главным образом на уровне вспомогательного и субъективного источника. В конце XX в. академическое источниковедение рассматривает произведения художественной литературы как «источник формирования исторических представлений» у массового читателя, как ценный материал «для понимания менталитета времени их создания и дальнейшего бытования...» (С. О. Шмидт). Новейший взгляд на художественную литературу как историко-культурологический источник демонстрирует последнее издание учебного пособия «Источниковедение: теория, история, метод» (М.: РГГУ, 2000).

В методологическом плане возможность задавать художественной литературе серьезные историко-культурные вопросы возникла в результате переосмысления как позитивистского, так и структуралистского литературоведения в пользу информационно-семиотического подхода (У. Эко, Ю. М. Лотман). В рамках семиотики, ставшей методологическим основанием лучших исторических интерпретаций художественных произведений, текст мыслится не как стабильный предмет, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции. «В понятие текста вводится презумпция создателя и аудитории, причем эти последние могут не совпадать по своим объемам... Третьим компонентом является наличие определенных структурных признаков, воспринимаемых как сигналы текста. Пересечение этих трех элементов создает оптимальные условия для восприятия объекта в качестве текста» (Ю. М. Лотман). В свете семиотического подхода к литературно-художественному тексту как источнику культурологической информации снимается тезис о механическом отражении реальности (контекста) в тексте. Культуролог рассматривает текст как объект реального мира, как феномен культуры, формирующий идеи и представления людей. Таким образом, речь идет о функционировании текста в контексте, о функции художественного образа в сознании читателя, в социальном пространстве и времени. В рамках информационно-семиотического подхода снимается вопрос о претензиях «высокой литературы» на исключительную привилегию быть объектом изучения ценностных ориентаций создателя художественного произведения и его героев. С этой точки зрения малохудожественные, но популярные произведения представляют исключительно ценный для культуролога материал, «так как они — свидетели повторяемости, широкой адаптации идей, превращения их в предмет массового потребления» (М. Могильнер). Семиотический подход к художественной литературе,

позволяя апеллировать к внутренней точке зрения участников культурного процесса, способствует реконструкции системы ценностных ориентаций писателей, литературных героев, читательской аудитории в рамках историко-культурного контекста.

Введение в широкий научный оборот французскими филологами-постструктуралистами понятия «интертекстуальность» как метод прочтения любого текста и области функционирования взаимодействующих текстов разных культурных традиций, по существу, лишило художественный текст — «мозаику цитации» — «бессознательных и автоматических» (Ю. Кристева, Р. Барт), как реальных, так и виртуальных, границ. Таким образом, «текст-письмо», трансформируясь в «текст-чтение», приобретает бесчисленное число вариаций, зависящих от тезауруса «читающего».

Новые возможности для изучения информационного потенциала художественной литературы предоставляет социально-коммуникационный подход (СКП), трактующий социальные коммуникации как «движение смыслов в социальном времени и пространстве» (А. В. Соколов). Теоретический потенциал СКП позволяет выявлять скрытые пласты бытования смыслов культуры, моделируя ее явления как социально-коммуникационные системы (СКС). Анализ художественного текста как СКС или компонента другой СКС осуществляется на основе категорий метатеории социальных коммуникаций (социальное пространство, время, социальная память, социально-коммуникационная деятельность, субъекты коммуникации, коммуникационные потребности, каналы и др.). Жизненные циклы художественного текста, начиная от рождения его образа в сознании творца, далее «успения» (овеществление), «вознесения» (распространение) и «воскресения», но уже в другой жизни и в другом обличье, заключают в себе различные «срезы» бытования культурологической информации. Каждый из «срезов» фиксирует взаимосвязь и взаимодействие различных компонентов СКС, ядром которой является триада «автор — произведение — читатель» (социокультурная среда — писатель; писатель — художественный текст; художественный текст — художественный текст; писатель — литературные герои; литературные герои — литературные герои; литературные герои — читатель; художественный текст — читатель; писатель — читатель; художественный текст — социокультурная среда; писатель — социокультурная среда). В зеркале мегатеории социальной коммуникации эти коммуникационные ситуации могут быть «прочитаны» как жанры коммуникационных сообщений, текстов.

Дальнейшее развитие темы предполагает нахождение ответов на вопросы методологического характера. Например, в какой мере художественная литература способна выполнять функции источника культурологической информации и в какой мере оценка ее информационного потенциала зависит от литературоведческих и культурологических концепций, с позиций которых анализируются художественные произведения; в чем проявляется специфика источниковедческих функций художественных произведений, принадлежащих к различным направлениям, течениям, жанрам; каковы в этой связи «ареалы» обитания культурологической информации и способы их познания в художественных текстах? Проблема художественной литературы как источника культурологической информации — это прежде всего проблема истоков, сущности и бытия литературно-художествен-

ного текста как феномена культур, породивших и «усыновивших» его. По разнообразию культурологических сюжетов эта источниковедческая проблема поистине неисчерпаема. Она будет оставаться актуальной до тех пор, пока жив другой феномен культуры — читатель. В таком прочтении «рукописи» действительно «не горят», даже если они вполне реально по воле злого рока (пожар в хранилище), или самого творца («19 октября сожжена X песнь». А. С. Пушкин), или виртуально, подчиняясь авторскому произволу («Зина! ... Переписка называется ... как его? ... Энгельса с этим чертом ... В печку ее!» М. А. Булгаков), оказываются в огне. «Огнестойкой» по отношению к любым социальным пространствам и временам художественная литература, книга оказываются благодаря читателю, исследователю, гуманитария, придающему «старым» истинам новое звучание.